

1. V
Всесоюзная
Библиотека
Имени
В. И. Ленина

XX 63
11

1
Январь
1938

XX 63
11

Мурзилка

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

БЫТЬ ТАКИМИ, КАК ЛЕНИН

Ребята! 12 декабря 1937 г. вы должны запомнить на всю жизнь. Этот день был великим всенародным праздником в нашей стране. В этот день с раннего утра к избирательным участкам спешили люди, одетые в свои лучшие платья, веселые, оживленные, с веселыми песнями, со знаменами.

Весь советский народ пошел к избирательным урнам, чтобы проголосовать, чтобы избрать высший орган государственной власти—Верховный Совет СССР.

В день выборов советский народ показал свою горячую любовь и крепкое доверие к великой коммунистической партии, проголосовав за кандидатов блока (союза) коммунистов с беспартийными. В Верховный Совет избраны лучшие люди страны: политические деятели, ученые, стахановцы и ударники фабрик и заводов и колхозных полей, художники, писатели.

Самым первым, самым любимым всем народом человеком является вождь народов Сталин. Весь народ хотел голосовать за товарища Сталина, и великое множество избирательных округов выставило его своим кандидатом в депутаты Верховного Совета. Но по Конституции каждый депутат имеет право быть избранным лишь в одном округе.

Товарищ Сталин избирался в Сталинском округе г. Москвы. Свое право голосовать за любимейшего вождя из-

биратели использовали полностью. В семьдесят пятом участке Сталинского округа избиратели явились все, как один, на сто процентов. То же происходило и в других участках. Пожилой рабочий, опуская свой конверт в урну, воскликнул: „Да здравствует наш депутат, товарищ Сталин!“

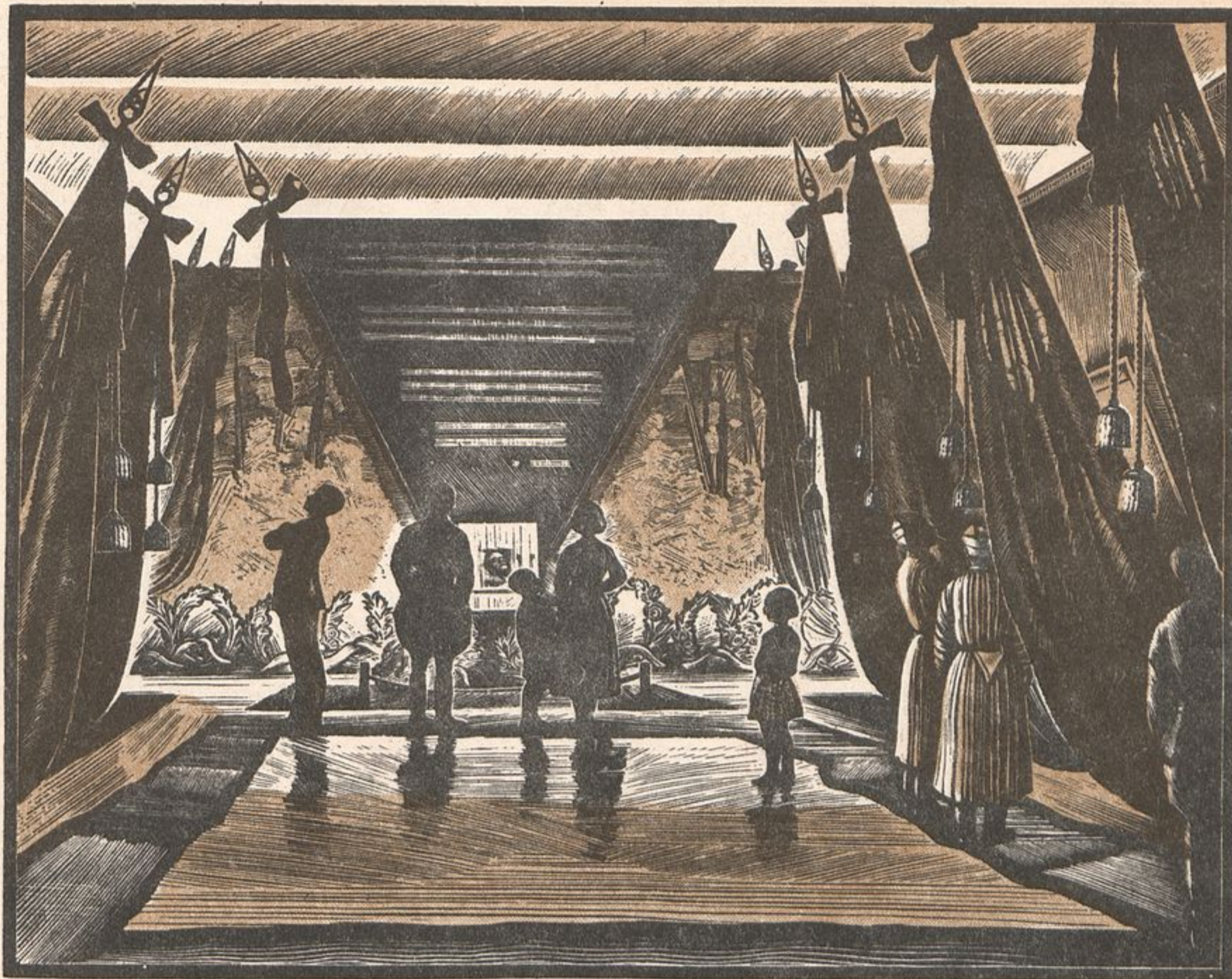
Горячо любит своего вождя советский народ.

Перед днем выборов товарищ Сталин обратился к своим избирателям с речью. В ней товарищ Сталин еще

раз напомнил своим избирателям и всему советскому народу о законе Советской Конституции—праве избирателей отозвать из Верховного Совета такого депутата, который не оправдает доверия избирателей.

Товарищ Сталин дал совет: требовать от избранных депутатов, чтобы они были политическими деятелями ленинского типа и не спускались до уровня политических обывателей.

Товарищ Сталин дал совет: требовать от депутатов, чтобы они были ясными и определенными деятелями, как Ленин, бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, свободными от паники в сложное время, мудрыми и неторопливыми при решении сложных вопросов, правдивыми и честными и чтобы они так же любили свой народ, как его любил Ленин. Этот совет своего вождя народ выслушал с уважением, и он требует от каждого своего депутата в Верховный Совет быть, как Ленин.

Очерк В. Сафоновой

Гравюра М. Полякова

МУЗЕЙ ЛЕНИНА

СЕРДЦЕ СТОЛИЦЫ

Когда у страны праздник, мы приходим с песнями на Красную площадь.

Когда у страны тяжелая утрата, мы идем на Красную площадь, обещаем стойко перенести несчастье и не падать духом.

В дни большой радости и горя на Красной площади много народа, и оттого, что радость и горе у советских людей общие, люди здесь делаются родней и ближе друг другу.

Недаром зовут Красную площадь сердцем столицы.

Рядом с Красной площадью, в близком соседстве с мавзолеем, где покоится тело Ленина, стоит музей Ленина. Это память о всегда живом, незабываемом Ленине. Сюда миллионы советских людей приходят учиться. Здесь каждая вещь, каждый документ великого Ленина учит мужеству, борьбе и любви к родине.

Верный ученик Ленина, лучший большевик, товарищ Сталин первый предложил создать этот замечательный музей.

ДЕТСТВО

У самых дверей в первом зале макет домика, а под ним надпись: «Дом Ульяновых в Симбирске».

Точь-в-точь в таком домике, только в настоящем, жил Владимир Ильич. Он был тогда мальчиком, веселым и резвым. В шумных играх был коноводом и вечно придумывал новые затеи.

Маленькие Ульяновы жили дружно. Они играли всегда вместе то в «палочку-выручалочку», то в «индейцев», а когда старших не было дома, в темной комнате играли в «брыкаски».

По вечерам от детского смеха в домике Ульяновых звенели оконные стекла. Из этого же домика Володя Ульянов ходил в школу. Каждый день, возвращаясь до-

мой, он скороговоркой рапортовал отцу: «Из греческого пять, из немецкого пять».

В музее хранятся школьные отметки Владимира Ильича. На них приятно посмотреть: против каждого предмета стоит высшая отметка — пятерка.

А вот и золотая медаль, полученная Лениным при окончании гимназии.

Такая медаль в царское время обеспечивала карьеру. Можно было стать большим чиновником и жить припеваючи.

Но Ленин учился не для того, чтобы стать царским чиновником. Все свои знания и жизнь он решил отдать делу революции. Его любимого брата, Александра Ильича Ульянова, казнила царская охранка. Но это не испугало Ленина, а еще больше укрепило его ненависть к царскому строю.

ОПАСЕН ДЛЯ САМОДЕРЖАВИЯ

Ленин стал революционером.

Охранка зорко следила за каждым, кто шел против царской власти. Агенты царской охранки были повсюду. Даже в университетах учителями и инспекторами назначались

настоящие полицейские ищейки.

В музее есть документ о Ленине-студенте. Это донос «попечителя» на семнадцатилетнего юношу Ленина «выдающихся способностей и хороших сведений, организующего студенческие беспорядки и крайне опасного для самодержавия».

Ленин и в самом деле был опасным врагом для царского правительства.

Его настоящими учителями уже тогда были Маркс и Энгельс. Их бессмертные книги научили Ленина внимательно присматриваться к полуголодной, бесправной

жизни тех, кто своими руками создавал богатства, — к жизни рабочих и крестьян. Ленин уже тогда знал, что хозяевами мира будут трудящиеся.

Но из тех же книг Ленин узнал, что ни одна победа не дается без борьбы, а борьба невозможна без знаний.

За участие в студенческих беспорядках Ленина исключили из университета.

Двери высшей школы закрылись для Владимира Ильича. Кажется, у кого бы хватило сил и надежды пытаться закончить образование?

У Владимира Ильича были и силы и желание. Он добился разрешения держать экзамен экстерном — сразу за все годы. Самостоятельно подготовился и сдал экзамены в один год со своим выпуском, как будто и не был исключен из университета.

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Второй зал. Ленин в тюрьме. Вот фотография его камеры в доме предварительного заключения. Койка, столик и табуретка привинчены к стене. И в этой камере Владимир Ильич не прерывал своей революционной работы.

В музее есть старая медицинская книга.

Между ее печатными строками можно разобрать коричневые строчки, написанные от руки. Это проект программы. Писал ее Владимир Ильич молоком. Когда пишешь — ничего не видно, а стоит нагреть страницу — молочные буквы темнеют, и можно прочесть все, что написано.

В камере писать очень трудно. Надзиратели то и дело смотрят в «волчок» —

маленькое стеклышко в двери. Нужно быть на-чеку.

Владимир Ильич делал маленькие «чернильницы» из черного хлеба, наливал туда молоко и писал. Если замечал, что за ним следят, он глотал эти чернильницы.

Как-то на свидании Ленин сказал: «Неудачный день сегодня: шесть чернильниц пришлось съесть».

В залах музея много рукописей Ленина. Одни, черновые, написаны только для себя, другие написаны аккуратно, — это или письма, или рукописи, готовые к печати. Посетители музея всматриваются в драгоценные строки. И вот почерк делается родным и знакомым, словно почерк большого старого друга, руку которого сразу узнаешь всегда и везде.

Над рукописями Ленина в музее висят портреты и фотографии. Много знакомых лиц. Это все славные ленинцы. Среди них

лучший большевик, верный соратник Ленина — товарищ Сталин.

В то время, когда вышел первый номер ленинской «Искры» и на Ленина готовился донос в департамент полиции, кутаисское жандармское управление переписывалось с департаментом полиции об аресте Иосифа Виссарионовича Сталина.

Рядом с залом, где висит фотография камеры Ленина, есть снимок камеры в батумской тюрьме, где с 18 апреля 1902 года по 2 мая 1903 года сидел Иосиф Виссарионович Сталин.

Переходя от зала к залу, от документа к документу, видишь, что все время вместе, все время рядом шли эти великие люди.

В музее, как и в жизни, все время переплетаются их имена: Ленин и Сталин, Сталин и Ленин, Ленин и Сталин.

КАБИНЕТ ЛЕНИНА

верь открыта. Виден кабинет Владимира Ильича. Хочется итти на цыпочках.

Подходишь—кабинет пуст. Но в нем каждая мелочь полна большой жизни, и кажется: вот-вот сейчас войдет

Ильич, возьмет со стола газету или снимет телефонную трубку.

Простой плетеный стул немного отодвинут, пальма на табурете не завяла, из картотеки вынут ящик и поставлен на маленький столик.

В кабинет к Ильичу приходили люди с большими и малыми заботами. Сюда входили крестьяне в полушубках и лаптях, впервые приехавшие в город. Они сперва неуклюже натыкались на мебель, потом рассаживались — пугала деловая обстановка кабинета. Затем лица делались доверчивыми, старики доставали трубки. И о чем только не говорил с ними Ильич: давал советы, отвечал на вопросы, а сам тем временем узнавал, как живут люди в Советской стране, и думал о том, что нужно сделать, чтобы им жилось лучше.

В этот кабинет приходил к Владимиру Ильичу товарищ Сталин.

Здесь Ленин и Сталин вместе обсуждали первые, самые трудные шаги молодой Советской страны.

Об этом рассказывают коротенькие записочки Ленина:

«Сейчас приехал Сталин. Обсудим с ним, дадим совместный ответ».

«Когда Сталин встанет (не будить его), сказать ему, что я с 11 на комиссии (у меня) и что я прошу Сталина дать мне его телефон (если Сталин уйдет), ибо мне надо по телефону поговорить с ним».

День Владимира Ильича был весь расписан по минутам. Вот пятница 4 февраля 1921 года. В музее висит расписание этого дня.

Владимир Ильич пришел в свой кабинет к одиннадцати часам утра, а ушел домой поздно ночью.

В этот день к нему приезжали члены шведской компартии. Был с докладом Кржыжановский. Владимир Ильич решал вопросы о переброске армии из голодающих районов, о массовой закупке лошадей, об организации всевозможных опытов.

В этот же день он выступал на широкой конференции московских металлистов, а в десять часов вечера председательствовал на заседании хлебной комиссии СТО.

Да разве можно перечислить все, что успевал сделать Владимир Ильич в один день!

ВЕЩИ ЛЕНИНА

В стеклянном шкафу на вешалке висит пальто Ленина с потертым бархатным воротником. Долго смотрят на него посетители.

Пальто это было на Ленине в тот момент, когда эсерка Каплан стреляла в Ильича. Видны следы от пуль. Дырки заботливо заштопаны рукой Надежды Константиновны.

Люди разглядывают белесые нитки. Но вот взгляд переходит на браунинг и пули. Этими самыми маленькими пулями подлый враг пытался отнять у нас жизнь Ленина.

Вот деревянная зеленая ручка Владимира Ильича. Ею были подписаны первые

декреты советской власти, первые законы нового мира, в котором сейчас живем мы с вами.

Рядом — карманные часы Ленина. Он жил и работал по ним. Они бились рядом с его сердцем. Сейчас на них половина третьего — их больше не заводят.

В этом же зале, где вещи Ленина, есть и документы.

В витрине лежит приказ Совнаркома, подписанный самим Лениным. В этом приказе товарищ Ленин объявляет строгий выговор управделами за то, что тот самовольно повысил Владимиру Ильичу заработную плату.

Во всем, что хранит для нас музей, видны скромность и величие Ленина.

В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЕ

Каждый час в конференц-зале киносеанс.

Гаснет свет.

Откуда-то с невидимой трибуны раздается голос Ленина. Люди слушают, узнают, запоминают этот голос.

На экране сам Ленин. Люди видят живого Ленина.

Ленин проходит по Кремлю. На дворе октябрь, а Ленин вышел без пальто.

— Ведь он простудиться мог? — шепчет мой сосед в пионерском галстуке.

Быстро сменяются кадры... Ленин произносит речи. Ленин принимает парад войск.

Быстро на экране идут годы: двадцатый, двадцать первый... И вот суровый и траурный день двадцать четвертого года. Гроб с телом Ленина прибыл на вокзал. Вся страна провожает Ленина. И днем и ночью открыт доступ к телу.

Почетный караул. Видно склоненное над гробом, полное скорби лицо Сталина. Рядом со мной кто-то всхлипнул.

— Это ты? — спросила я соседа.

Но мальчик не любит, когда видят, что он плачет, и потому шепчет сквозь слезы:

— Я вовсе не плачу.

Сеанс окончен. Я уйду, а мой маленький сосед остается еще раз посмотреть на Ленина.

Тихо закрылись двери музея. Москва встречает радостным шумом.

В этот час кончаются занятия в университете.

Мимо музея Ленина идут учащиеся с книгами Ленина. Они приехали в Москву из разных мест Советского Союза: из Туркмении, Якутии, из солнечной Грузии. Это все советская молодежь. Все они имеют право на ученье, и потому где-то внутри, словно биение сердца, звучат слова: «Ленин жив, Ленин с нами, Ленин в нас...»

Над страной спускается вечер.

В Магнитогорске всю ночь будут топиться домны.

На советских реках и каналах перекликаются пароходы.

А далеко, на самом полюсе, северное сияние освещает красное знамя.

Бьют часы на кремлевской башне. Зажглись рубиновые звезды над Москвой, и совсем рядом, здесь, за кремлевской стеной, работает товарищ Сталин.

В делах этого человека, во всем, что им создано, живут заветы Ленина.

ДОМИК НАД ОЗЕРОМ

Рисунок Е. Бургункера

Стихи Н. Забилы

Не за синими глубокими морями,
Не за дальними высокими горами,
А в стране лесов густых, высоких,
В стороне озер больших, глубоких,
Над водою в домике дощатом
Жили белокурые ребята.

И однажды мама им сказала,
Детворе однажды приказала:
„Чтоб не слышно было шума никакого —
Ждем из города мы гостя дорогого“.

И дождались. И зашел он вскоре в хату,
Улыбнулся. „Здравствуйте, ребята!“
А ребята хоть по-русски и не знали,
Но по-своему, по-фински отвечали.
Был он ласков, как никто на свете,
И к нему привыкли сразу дети.

Только солнце чуть поднимется над речкой,
Гость встает уже, выходит на крылечко.
На дворе, на утреннем и гулком,
Собираются ребята на прогулку.

С малышами ходит он по травам,
По полям зеленым и дубравам,
То он учит их своей мудреной речи,
То поднимет, то посадит их на плечи,
То за ягодами ходит с ними вместе,
То смеется, то затягивает песни.

Только к ночи он становится потише,
Допоздна о чем-то думает и пишет.
Ничего ребята бы не знали,
Если б от отца не услышали:

„О тебе я знаю много очень,
Как боролся ты за счастье рабочих.
Знаю, что тебя боятся баре,
Ненавидят злые государи.

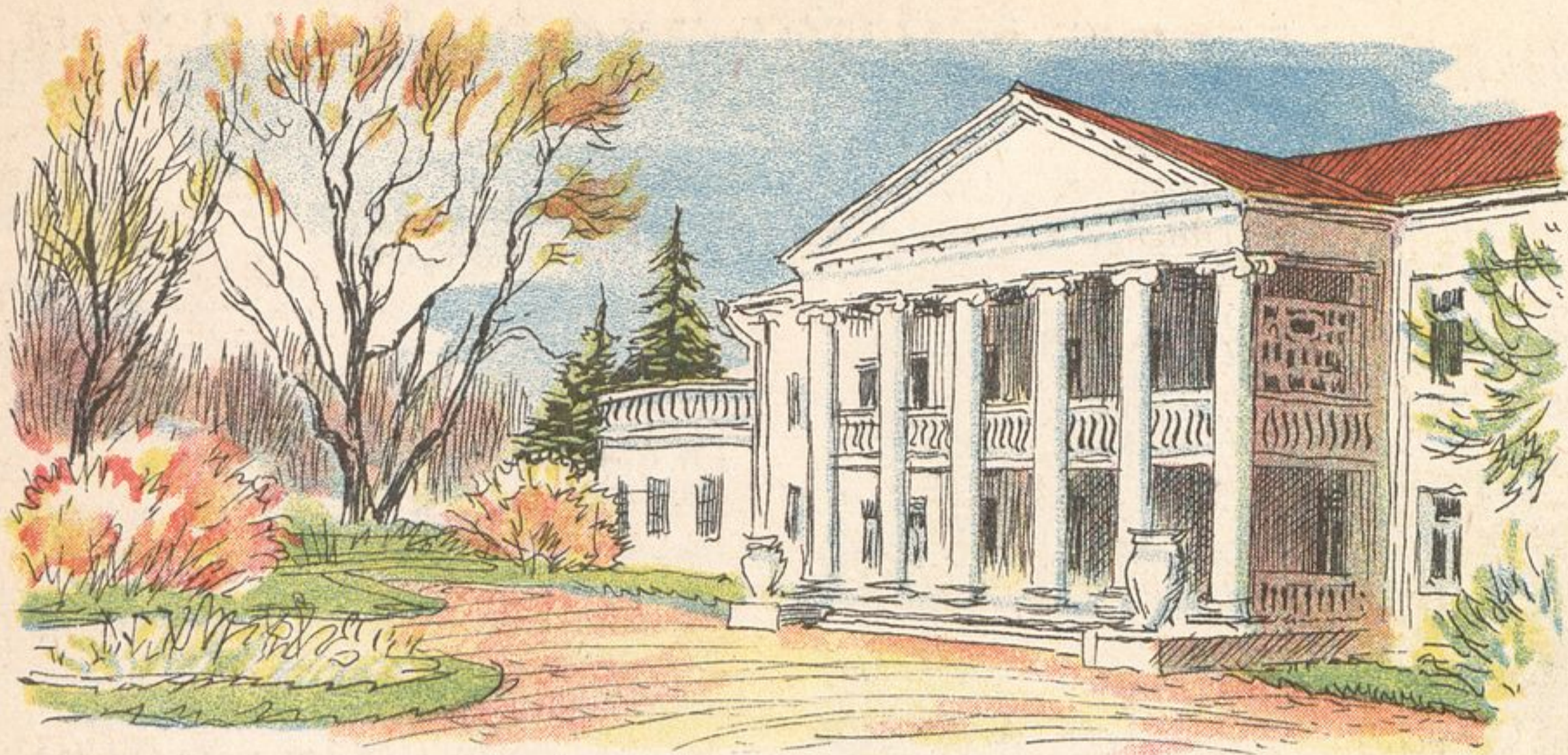
Но друзей-рабочих очень много,
Все тебе мы станем на подмогу,
Потому, что всех мы бар сильнее,
Что твое нам слово всех роднее,
Что ты жизнь готовишь к перемене,
Потому, что ты — товарищ Ленин!“

С той поры минуло лет немало,
Детвора давно повырастала,
И приветливого гостя уже нету,
Только слава ходит добрая по свету.

Эта слава будет долго жить на свете.
Знают Ленина и взрослые и дети.
Слово Ленина века переживет,
Ленинское дело не умрет!

Перевел с украинского Л. Топчий

Записал С. Мирер

Рисунки А. Лаптева

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

Помещаемые здесь рассказы о Ленине записаны летом 1936 года со слов рабочих совхоза села „Горки Ленинские“.

ИЛЬИЧ В ГОРКАХ

Наметили эсеры истратить хоть миллион пуль, но убить Владимира Ильича. Для того, чтобы не было на свете такого человека, который действительно обеспечил полную сохранность и неприкосновенность советской власти. И вот одна из этих ядовитых эсеровских пуль поразила Ильича при выходе его с огромного рабочего собрания. И пал вождь на землю, обливаясь кровью.

Подбежали тут рабочие, подняли, положили Ильича в автомобиль.

Все старания приложил рабочий класс и советская медицина, чтобы возвратить Ильича к его рабочему месту у руля революции.

Сперва Ильич в Кремле лечился, а потом его сюда послали, в санаторий, в имение Горки, на полный покой и отдых.

Так я слышал об этом имении.

Принадлежало оно Савве Морозову — фабриканту-миллионщику, тому Савве, о

котором была плохая слава. Рабочие о нем пели:

*Как у Саввушки Морозова завод —
Обирают там без совести народ.
Обирают по-ученому,
Обижают по-законному.*

Этот эксплуататор-кровопийца подарил имение к свадьбе своей дочери, жене московского градоначальника Рембота. И Рембот со своей Саввишной блаженствовали в имении до Октябрьской пролетарской революции, когда железной метлой вымели его из-под ароматных тех лип.

Когда Ильич после тяжелого поранения стал приходить в себя, врачи прописали ему дышать лесным воздухом. Ближайшие друзья Ильича избрали эту липовую горку, зеленеющую в тридцати километрах от Кремля. И раненый Ильич стал выздоравливать.

Осень в том году была очень хорошая и долго цвела, как лето.

ИЛЬИЧ БЕСЕДУЕТ С КРЕСТЬЯНИНОМ-РЫБОЛОВОМ

В тенистом местечке, на берегу реки Пахры, сидел человек лет пятидесяти, в простой синей рубашке. Он удил рыбу. А мимо шел крестьянин, также на рыбную ловлю.

Не зная сидящего (а это был Владимир Ильич Ленин), мужик спросил:

— Клюет рыба-то?

А человек лет пятидесяти ответил:

— Пока плохо.

Уселся с ним крестьянин рядом и тоже стал закидывать удочки с червяками в воду.

Зашел у них разговор о советской власти.

Крестьянин был недовольный человек. Первоначально-то у нас была большая разруха, и трудно было этому темному крестьянину разобратся, кто в ней виноват. Изложил крестьянин пятидесятилетнему рыболову свою горесть и свое недовольствие.

Выслушал его Ильич и так начал говорить:

— Не все то может блеснуть сразу, что хорошо и прекрасно. Не сразу строили железные дороги и высокие, многоэтажные здания, не сразу появлялись города.

Объяснил Ильич крестьянину, какое

зло нанесла народу трудовому царская война, объяснил про буржуазную интервенцию, войну международной буржуазии с молодой Советской страной.

— Острой бритвой отрезала от нас интервенция и белый хлеб украинский, и твердый уголь донецкий, и жирную нефть бакинскую, и отборные фрукты южные, и леса астраханские, и золотые россыпи алданские. Сделала она нашу жизнь нищенской. Получили мы в наследство тяжелое хозяйство. Надо нам отбить у врагов все, что мы имели, раздавить контрреволюцию начисто и тогда приняться за строительство новой, богатой жизни.

Хорошо и понятно говорил собеседник крестьянину, сразу объяснил самую суть, объяснил, где источник нашего несчастья.

Так разговорились два товарища на рыбной ловле, на возвышенном берегу реки Пахры.

И забыли даже про свои закинутые в воду удочки. Рыбки червячков у них съели и отплыли от железных крючков в свое жидкое раздолье.

Затем распрощались рыболовы и ушли каждый в свою сторону.

И потом только крестьянин узнал, что беседовал-то он с Лениным.

КАК СТАРИК ПЕЧКУ ЛЕНИНУ ЧИНИЛ

Однажды лег Ильич на травке отдохнуть. Были с ним Мария Ильинична и Надежда Константиновна.

Шел мимо в лес старый старичок, седой, как лунь, и с большой бородой. Не знал он, кто сидит на траве, остановился и ругаться стал, да не как-нибудь, а как мужик старого времени. Выругался и говорит:

— Мы эту траву косим, а вы топчете!

Встал сейчас же Ильич со своими спутницами и ушел.

Прошло немного времени. Пошел старик в лес. Там он спилил клен. Спил он клен, никак его не поднимет. Подходит тут к старику Ленин:

— Что делаешь, дедушка? Зачем дерево спилил?

— Ось мне нужна, вот я и срубил.

— Нельзя так, дедушка, — говорит Ленин. — Этот лес ведь общий, народный, не дело его расхищать.

— Как же быть-то теперь? — спрашивает старик.

— Теперь чего же, — отвечает Ленин, — спилил, так бери домой.

Поднимал старик дерево, поднимал, — никак не поднимет, а нести надо.

— Давай я тебе помогу, — говорит Ильич.

Поднял старику дерево на плечи. Спрашивает:

— Как же теперь понесешь?

— Как-нибудь донесу, — отвечает старик.

А надо было тащить кругом, дальним путем. Пожалел Владимир Ильич старика.

— Иди уж, — говорит, — мимо усадьбы.

Старик-то вначале опасался, но Ильич его успокоил.

Понес старик срубленное дерево, а Ильич пошел домой.

Вернулся однажды Ленин с прогулки, а вечер сиверный был, холодный, — решили камин затопить. А печка-то и задыми.

Стали думать: кто хороший печник на деревне?

— Есть тут, говорят, в соседнем селе хороший печник, старый уж человек, Николай Васильевич Бендерин.

Послали за Бендериним: «Тебя, мол, Ленин, Владимир Ильич, к себе зовет!»

Надел старик костюм получше, пошел. Только как увидел он Ильича, смотрит, а это тот самый человек, которого он, Бендерин, тогда на травке обругал.

— Ах, батюшки мои, да как же это я так? Неужто сам Ленин и дерево мне поднимал?

Совсем стушевался старичок.

А Владимир Ильич к нему:

— Ну, так как же, Николай Васильевич? Говорят, ты печник хороший? Доктор по печам?

Отвечает старик:

— Да, ежели дымит, могу вылечить!

И так это он обрадовался, — вся тяжесть у него с души спала. Засучил рукава, размешал глину и стал чинить печку. Хорошо сделал свою работу, отменный печник был! А Ильич сел на корточки и все смотрел, как он работал, будто сам хотел выучиться его ремеслу.

Щедро оплатили Бендерину его докторскую работу по исправлению печки. Хотел он было отказаться от платы, да Ильич этого не допустил.

КАК ИЛЬИЧ КОРЗИНКИ УЧИЛСЯ ПЛЕСТИ

Стала у Ильича очень сильно болеть голова, и прописали ему врачи полный покой. Читать и писать совсем запретили.

— Что же мне делать можно? — спросил Ильич с улыбкой.

А ему и говорят:

— Да хоть корзинки плести.

И вот сказали ему, что есть в деревне Горки крестьянка Маша, которая умеет хорошо плести корзинки. А Маша-то была соседка того старика Бендерина, печника, с которым Ильич познакомился при очень смешных обстоятельствах. Пришла Маша к Ленину. Владимир Ильич поздоровался с нею и говорит:

— Хочу у вас поучиться плетению корзин. Будете меня обучать?

— С удовольствием, — отвечала Маша.

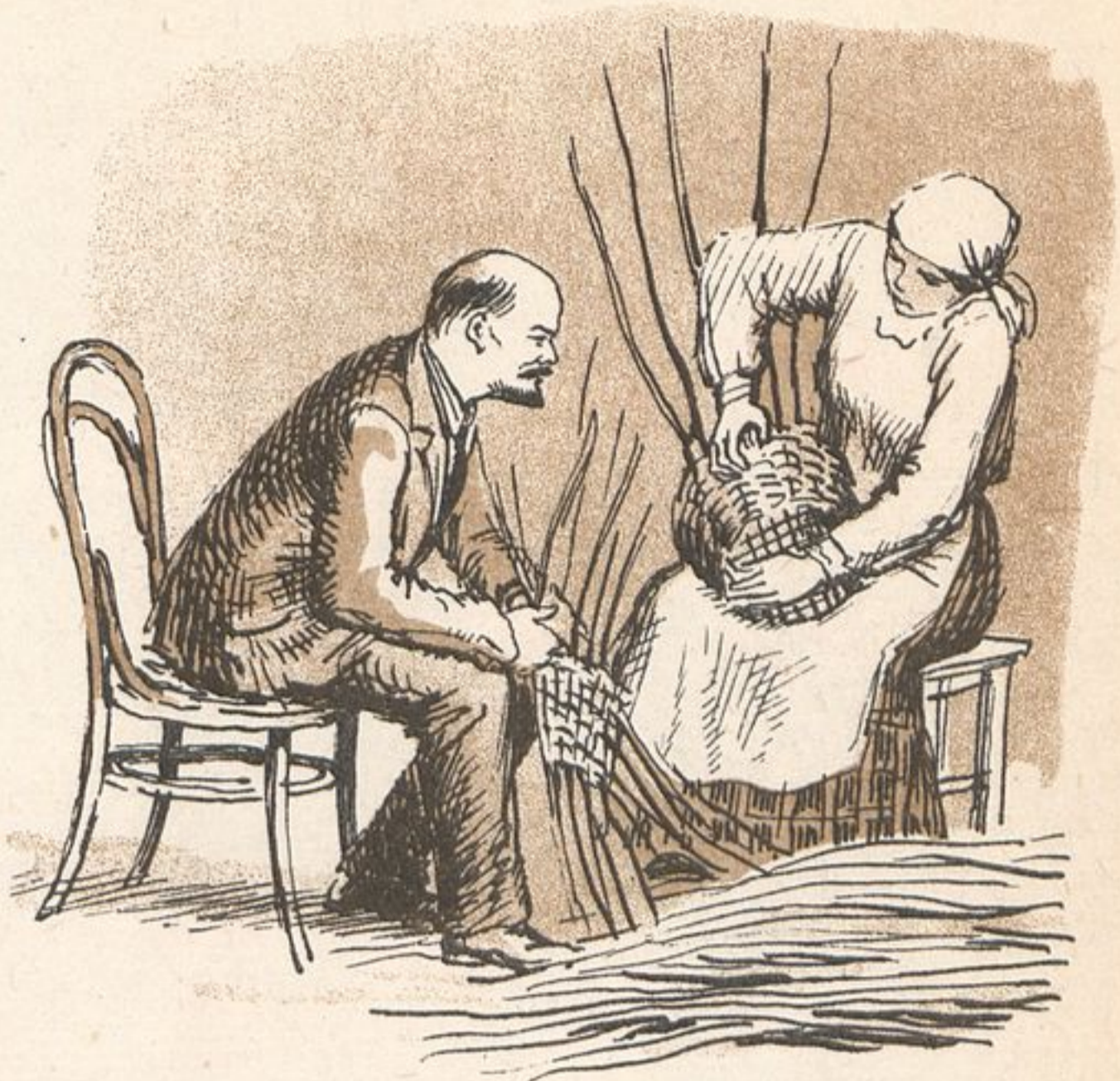
Стала она ему показывать, как плетутся корзины, и однажды шибко ухлестнула прутом. Извинилась Маша.

— Я вас ухлестнула, — говорит.

А Ильич отвечает:

— Ничего, учеников раньше всегда хлестали, чтобы учеба крепче была.

Настругают, бывало, намусорят, а потом Ильич сам все и уберет. Никогда не позволял, чтобы за ним убирали.

Разговорились крестьянки горские (из деревни Горки) о том, как Ильич корзинки учился плести. И вот что сказали некоторые из крестьянок:

— Ничего нет удивительного, что Ленин корзинку сплел. Не такие чудеса творил. Самое главное и основное — это то, что он сплел великое советское государство из разрозненных прутьев, из беспомощных частичек, из трудящихся, которые при царизме не имели в себе никакой уверенности. А что касается сплетенной корзинки, так думается, что тут нет ничего особенного.

ГЛАВНЫЙ РАБОТНИК

Вот сидим мы однажды, пьем чай, а Ильич приходит к нам и говорит:

— Можно ли у вас, товарищи, воспользоваться стаканчиком чаю? Я вас не обижу?

Вот как Ильич говорил с нами, рабочими людьми.

Налила я ему стакан чаю, он и понес его к себе в комнату.

А я ему говорю:

— Товарищ Ленин, дорогой, да мы бы принесли вам чаю-то! Что же самому ходить? Ведь вы наш самый главный хозяин.

А Ильич мне ответил:

— Не хозяин я самый главный, а самый главный работник.

И сам понес к себе чай.

Стихи А. Барто

Рисунок Р. Барто

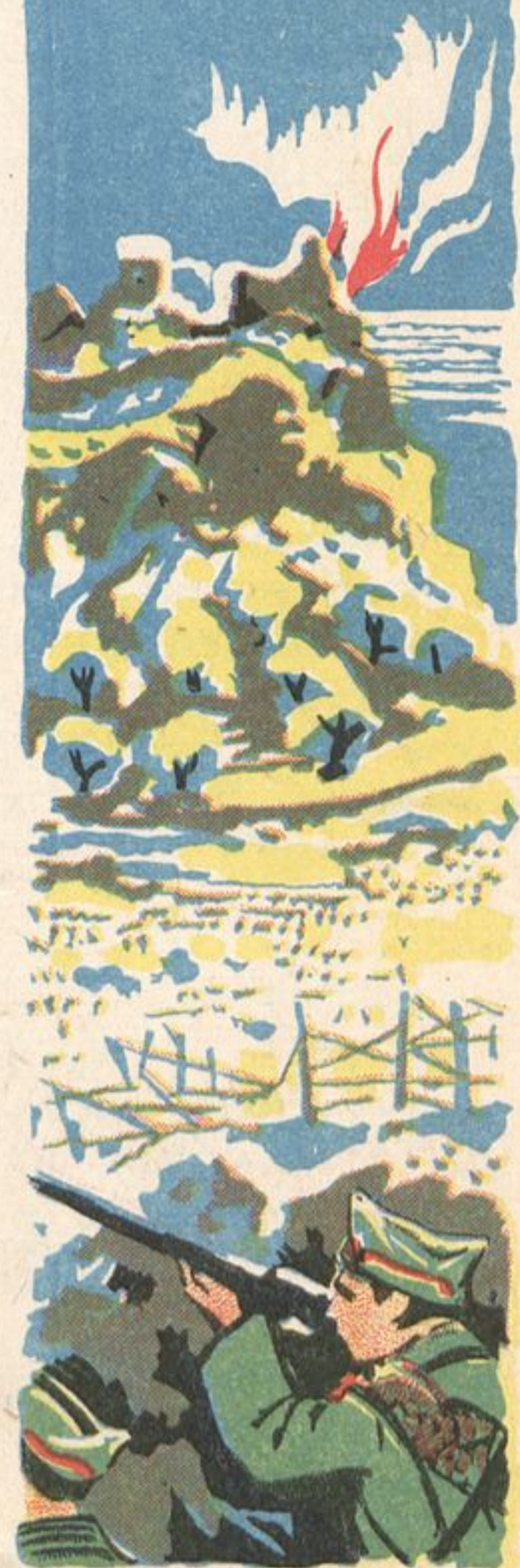
ПИСЬМО

Все небо заревом объято,
И грохот рвет ночную тишь,
Но ты прочла письмо от брата,
И ты сегодня крепко спишь.

Тебе пришло письмо с позиций.
„Салуд, Мария! — пишет брат. —
Пускай тебе спокойно спится,
Мадрид никем не будет взят“.

И вот в часы ночного боя
Ты спишь, как в полной тишине,
И снится небо голубое,
И снится мертвый шум прибоя
Тебе в твоём спокойном сне.

Пусть небо заревом объято,
Но видишь ты хороший сон.
В твоей руке письмо зажато,
В твоей руке письмо от брата,
Где о победе пишет он.

ЛОЛИТА

Лолита...
Десять лет тебе,
Но ты привыкла ко всему,
К ночной тревоге и к стрельбе,
К пустому дому своему.

И ранним утром у ворот
Стоишь подолгу ты одна.
Ты ждешь:
А вдруг отец придет?
А вдруг
Окончилась война?

Но вот опять ревет снаряд,
Вопит мотор над головой,
И ты опять зовешь ребят
Смотреть воронки в мостовой.

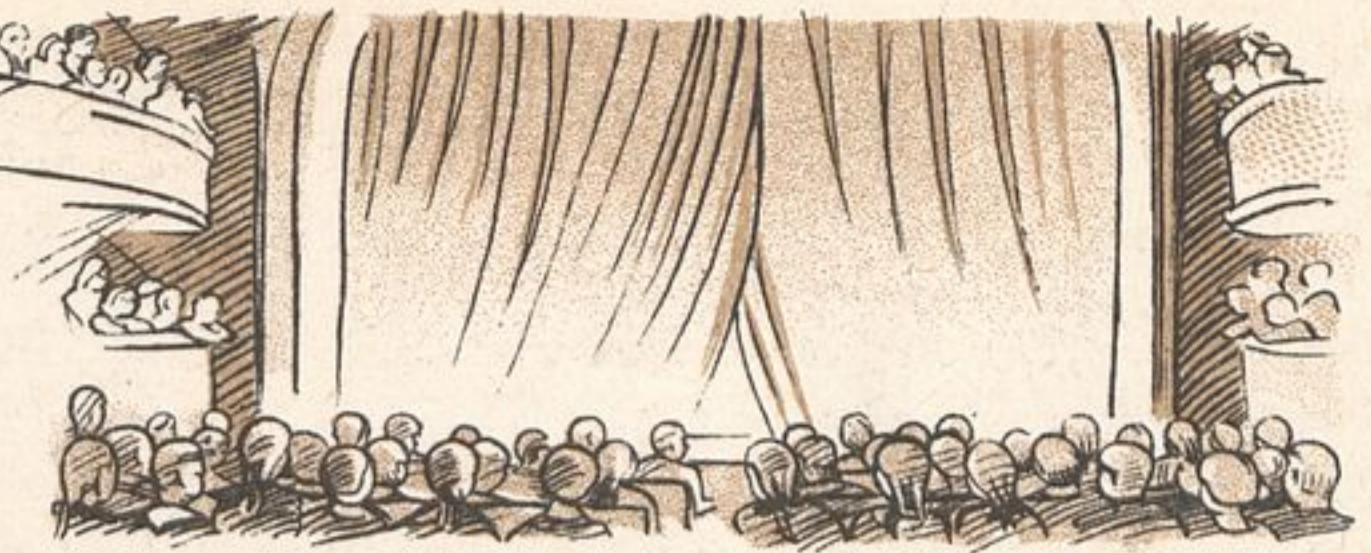
Идет колонна мимо вас,
И ты знакомому бойцу
Кричишь:
— Маноло! В добрый час!
Я жива,
Скажи отцу.

ТЕАТР

Рассказ Я. Тайца

Рисунки Г. Корвина

К Люсе приехал дядя из еврейского колхоза. Люся повела его в самое свое любимое место — в детский театр.

Дядя разглядывал просторные залы, высокие колонны, люстры, шелковый занавес с надписью: «Центральный детский театр», и всё хвалил:

— Ой, красиво!.. Ай, замечательно!..

В ложах, в партере, на балконе — везде сидели ребята. Они помогали актерам. Когда в первом действии главный артист, игравший белого офицера, прятался от красных, ребята кричали:

— Он там, на чердаке, ищите его, он там!

А когда этот же офицер надел буденовку со звездой, и вышел к большевикам, и стал уверять: «Товарищи, я ваш, не трогайте меня!» — зал возмущенно зашумел:

— Он врет! Он врет! Он — белый!..

Люсин дядя смеялся и хлопал Люсю по плечу.

— Молодцы ребята! Когда я был маленький, у нас тоже был театр.

Люся очень любопытная. Она спросила:

— Какой?

Сзади зашипели:

— Потихе, пожалуйста! Никак не наговариваются! А еще большой!..

Пришлось молчать — до антракта.

Но вот шелковый занавес опустился, ребята захопали, забегали по залам, а Люся с дядей остались на своих местах, и дядя стал рассказывать про театр.

«Ты вот, Люсенька, не знаешь, что такое хедер. Это было вроде школы для детей еврейских бедняков. Помню, сидело нас пятнадцать мальчиков (девочки не обучались) за длинным скрипучим столом. В конце стола старик-учитель — ребе. А комнатка маленькая, темная. И вот мы сидим в духоте, раскачиваемся

над старинными, затрепанными молитвенниками и тянем нараспев:

— Чресла — чресла... дочери — дочери... Давида — Давида...

Все такие непонятные, бессмысленные для нас слова. Мы твердили их с утра до вечера. Мы не знали ни про лыжи, ни про коньки, ни про книжки, ни про цирк. Мы слышали, что где-то на свете есть что-то такое, что называют театром, но что это такое, мы не знали.

А если чуть зазеваешься, не станешь бормотать «чресла — чресла», ребе брал свою плетку (у него была такая плетка с семью концами) и как хлестнет по руке:

— Учись, болван! Учись, разбойник с большой дороги! Учись, каторжник!

«Каторжник» — это было правильно. Хедер и был для нас каторгой. Ребе мы ненавидели. Мы ненавидели его грязную бороду, длинный нос, засаленный халат, драную шапку, которую он никогда не снимал, его руки с черными ногтями.

Он чувствовал нашу ненависть и все больней стегал нас своей плеткой...»

Люся хотела представить себе, как это дядя, такой большой и веселый, и вдруг плачет, — и не смогла. А дядя продолжал:

«Одно у нас было утешение: ребе был стар и любил поспать. Бывало, мы тянем за ним, как идиоты:

— Авраам роди Исаака... Исаак роди Иакова... Исаак роди...

Вдруг слышим: хрррррр...

Оглядываемся. Это ребе. Опустил бороду на молитвенник и сладко спит. В волосатом кулаке зажата плетка. Все семь концов ее мирно лежат на столе, будто никогда и не прогуливались по нашим затылкам и спинам. Мы вскакиваем:

— Ша! Тише! Ребе спит! Ша!

Мы потягиваемся, расправляем руки, ноги, перешептываемся, перемигиваемся.

Ребе храпит. А мы шопотом зовем:

— Мотль, начинай!

Маленький Мотль, с оттопыренными ушами, встает, делает нам пальцем знак: тсс! Затем он выпячивает синеватые губы и начинает тоненько пищать:

— Пи-и...

Мы сидим тихонько и смотрим в угол. Там, за печкой, дырочка. И вот оттуда раздается в ответ:

— Пи-и...

Мы замираем. Не дай бог сейчас чихнуть или шевельнуться! И вот из дырочки осторожно высовывается остренькая мордочка с усами и с блестящими, точно две чернильные капельки, глазками. Она пугливо озирается, часто-часто поводит носиком и нюхает грязный, давно не метенный пол...

Это Малка. Мы так ее прозвали в честь жены ребе.

Мотль бросает ей хлеба. Малка выходит на середину комнаты. Она гладкая, пушистая. Длинный скользкий хвост тянется за ней, точно шлейф...»

Люся сморщилась:

— Фу, гадость!

Дядя усмехнулся:

«Нам она не казалась гадостью. Она нас не боялась, потому что мы ее не обижали, — только надо было сидеть тихонько.

Потом она ловко взбиралась на стол и начинала бродить по священным книгам и шуршать священными страницами. А мы радовались.

Но вот Мотль крошками подманивает Малку все ближе к спящему ребе. Вот он осторожно кладет крошку на самый кончик красного крючковатого носа.

Мы стискиваем зубы, чтобы не расхохотаться.

А Малка подбирается к всклокоченной бороде, принюхивается, садится на задние лапки и передними начинает царапать красный нос, стараясь достать крошку...

Тут все быстро кончается. Ребе вскакивает, чихает, отплевывается, Малка убегает, а мы, зажав уши, орем изо всех сил наперебой, как самые прилежные ученики:

— Авраам роди Исаака... Исаак роди Иакова...

— Бандиты! Грабители! Каторжники! — орет ребе, размахивая плеткой...»

Дядя замолчал и стал протирать бинокль.

— А дальше? — спросила любопытная Люся.

— А дальше нету!

— Как нету? — Люся надулась. — Обещал про театр, а рассказал про какую-то крысу... Фу, гадость, я их боюсь!

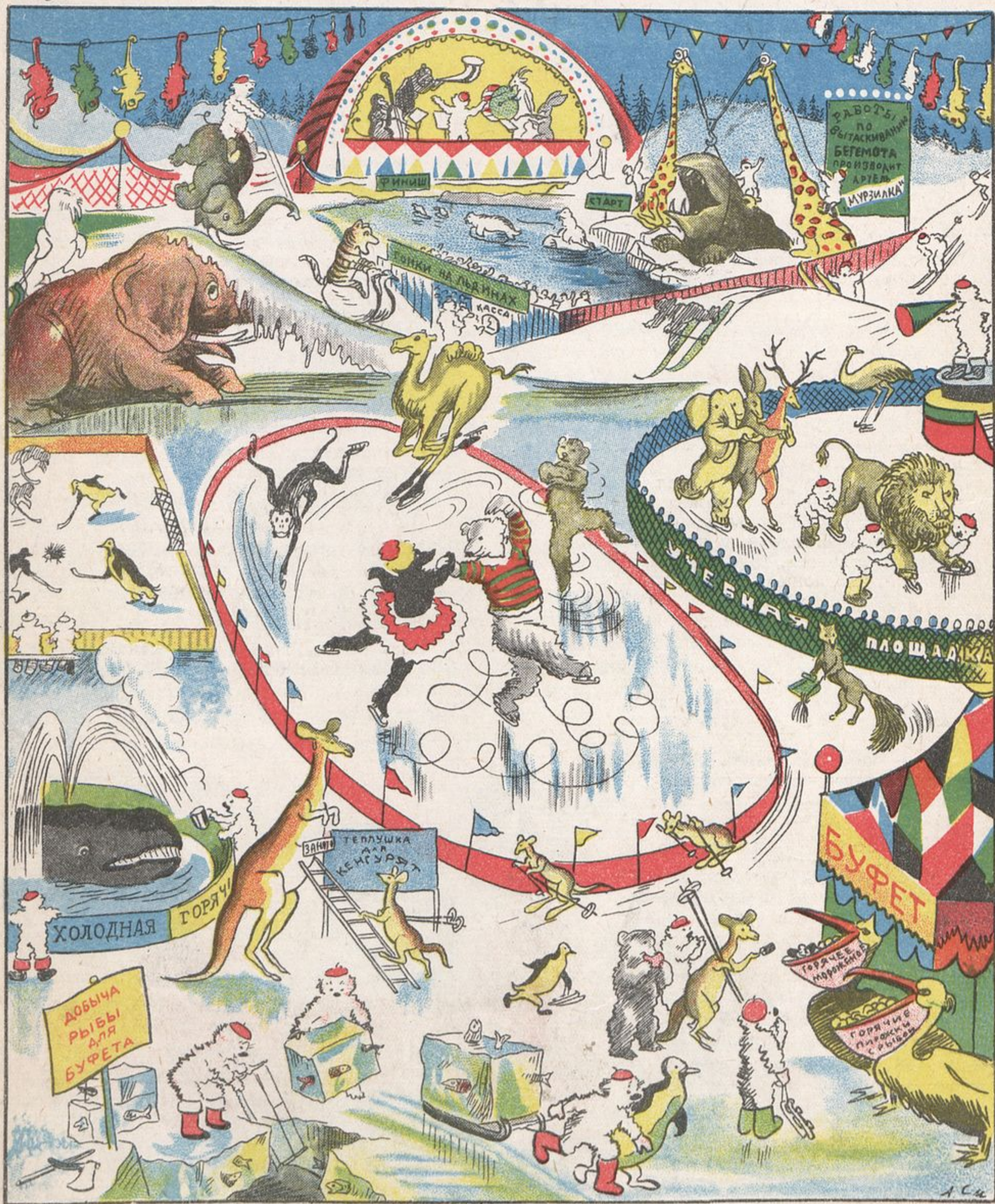
— Разве ты не догадалась? — ответил дядя. — Ведь это и был наш театр! Мотль был режиссер, а Малка — главная актриса.

Он поднял бинокль и стал смотреть на малиновый занавес и на шелковые буквы: «Центральный детский театр»...

ЗИМНИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ В МУРЗИЛКИНОМ ЗООПАРКЕ

Рисунок Л. Смехова

Мурзилкина

ГАЗЕТА

О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ

В тяжелые годы гражданской войны
Сражались рабочие взводы.
Их вел большевик самой смелой страны
Отнять у буржуев заводы.

Сражались в тумане, в лесах и в степи,
Но нет на пути нам преграды.
Бегут от ударов смертельной борьбы
Трусливые белые гады.

Кто шел за свободу, боролся за нас,
Кто бурею вылит из стали,
Кто наши герои и наши вожди?
Товарищи — Ленин и Сталин!

И Ленина нет, но Сталин живет.
Да здравствует знамя свободы!
Везде революция победит!
Все счастливы будут народы!

Инна Лисичкина, 10 лет. Пенза, 10-я средняя школа.

СЧАСТЬЕ НАРОДА

(Сказка)

Жил-был царь. Вот однажды его
пригласили на бал. А у него была
хорошая лошадь, и он пошел за
ней. Около конюшни стояла ло-
шадь и конюх с двумя мальчи-
ками, которые играли в прятки. По-
дойдя к конюшне, царь закричал:

— Эй, ты, конюх, приведи мне
лошадей!

Конюх не понял, сколько, и кри-
чит:

— Одну?

А царю послышалось: «Пошел
ко дну!», потому что он помнил
забастовку, когда его чуть-чуть не
убили.

Царь бросился бежать. Один из
мальчиков водил. Он был в дере-
вянных башмаках. Ему надоело
стоять с закрытыми глазами, и он
стал кричать товарищу:

— Скорей, скорей!

Царь услышал это и подумал:
«Конюх зовет народ, чтобы они со-
бирались скорей в погоню». Вот
царь скрылся уже, но все же услы-
шал сзади топот и еще сильнее по-
несся в лес. Оказалось, это мальчик
в деревянных башмаках стал искать
своих товарищей и затопал.

Так царь и не вернулся.

Народ с тех пор стал жить хоро-
шо и весело, как мы сейчас с тобой.

Вот вам и сказка вся.

Братья Вилкины

(Желонкин Шура, 11 лет.

Щучкин Витя, 11 лет. Москва.)

На баррикады гордо шли
Отцы наши и деды.
В руках оружие несли,
Боролись до победы.
Но кто же вел бойцов на бой?
Врагов кто опрокинул?
Их вел наш Ленин дорогой,
Наш Сталин, вождь любимый.
Пускай погибшие бойцы
Спокойно спят в могиле.
Ведь с нами Сталин наш родной,
Мы с ним непобедимы.

Мусатова Зоя, 11 лет
Пенза.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Рисунок Вити Тимакова, 10 лет. Москва.

Обработал Лев Алпатов

Рисунок Г. Туганова

ОРЛАН

(Рассказ музейного работника)

Его поймали сеткой на берегу Охотского моря.

Это был крупный хищник, длиной около метра. Он бил могучими крыльями, страшно щелкал клювом и за все хватался сильными когтями.

Нам еле удалось скрутить дикаря.

Хотелось привезти его в музей живым.

Наша лодка была нагружена ценнейшими коллекциями. В ящике было около тысячи непроявленных негативов. Упираясь в дно шестами, мы продвигались вверх по быстрой и порожистой реке. Трудно и опасно было подниматься, могло захлестнуть лодку. Круче становились берега, быстрее течение, — и вот самый страшный перекат.

Мы изо всех сил налегали на шесты, но лодка не продвигалась. Товарищ сошел на берег и веревкой потащил лодку. Я ему помогал шестом.

Наш орлан, привязанный за одну ногу, сидел на носу и посматривал по сторонам зоркими глазами.

На перекате, где вода сильно била, буксирная веревка оборвалась, и лодка понеслась вниз. Упершись в дно, я пытался удержать лодку, но шест сломался, и я свалился за борт. За себя

я не очень испугался: у воды вырос, плаваю хорошо. Но коллекции... Целый год работы!

Лодка неслась на камни. Через минуту она разобьется. Все погибло. Я спешил в бурном потоке вслед за ней.

Орлан на носу зашевелился. Стал тревожно переступать с ноги на ногу. Взмахнул крыльями — веревка крепко держала птицу.

Остался десяток метров до камней.

Лодку понесло к большой коряге.

— Гилыви скорей! — кричал мне товарищ. — Зацепилась!

Я поплыл быстрее. Схватился одной рукой за корягу, другой — за борт лодки. Взглянул вперед и понял, в чем дело: орлан одной своей ногой уцепился за корягу, а другой — за борт и так удержал лодку.

Орлан спас наши коллекции, приборы, ружья да и нас самих: без лодки и без продуктов мы не выбрались бы из этих гиблых мест. На берегу я отвязал орлана и сказал:

— Лети! Спасибо тебе, товарищ!

Он взмахнул широкими крыльями и взлетел над тайгой.

ИГРЫ Шарады загадки

ШАРАДА

Первая цифра стоит в середине,
Буква с начала и буква с конца.
В целом — леса, города и равнины,
К целому полны любовью сердца.
И коли вражья надвинется рать,
Целое будем мы все защищать.

ЗАГАДКИ

В кружке — точка, в точке — точка; что ни встретит, все заметит.

Брат с братом всю жизнь сидят рядом, видят целый свет, а друг друга нет.

В иглах бугорок мышку уволок.

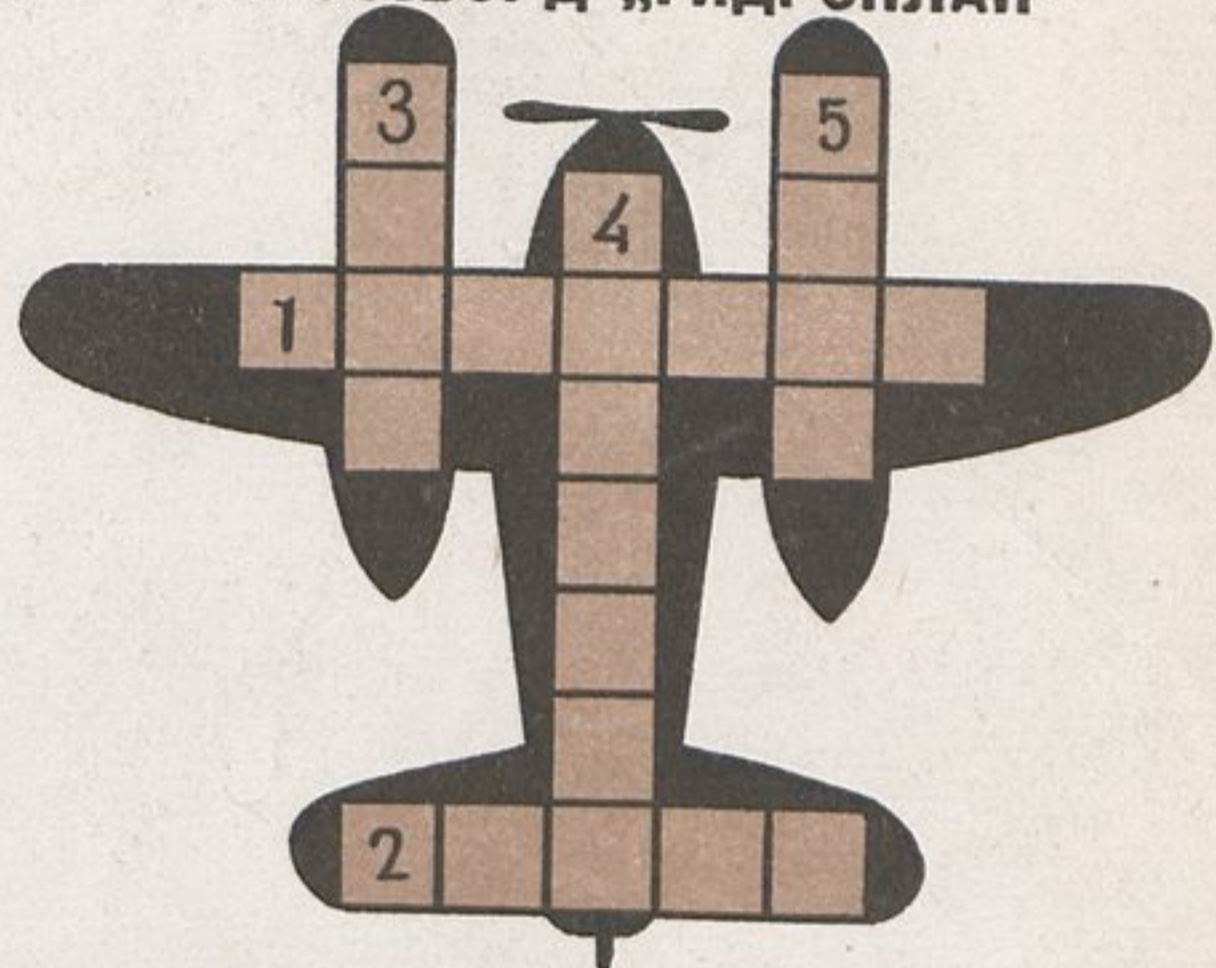
Хвост на дворе, нос в конуре; нос повернется — дом отомкнется.

В журнале „Мурзилка“ № 12 за 1937 год помещены четыре загадки. Ответы на них следующие: Мышеловка, Коньки, Ветер, Гвоздь.

Кроссворд, напечатанный в том же номере, следует читать: слева направо — рак, топор, потолок, кит; сверху вниз — рот, том, сапоги, кол, рог.

Ребус читается: Ребята! Весело встречайте Новый год.

КРОССВОРД „ГИДРОПЛАН“

Какие буквы надо написать в квадратиках, из которых сделан гидроплан, чтобы при чтении слева направо получилось то, что нарисовано на этих картинках?

А при чтении сверху вниз получилось бы то, что нарисовано на этих картинках?

В ЭТОМ НОМЕРЕ НАПЕЧАТАНО:

БЫТЬ ТАКИМИ, КАК ЛЕНИН
МУЗЕЙ ЛЕНИНА. Очерк В. Сафоновой. Гравюра и рисунки М. Полякова

ДОМИК НАД ОЗЕРОМ. Стихи Н. Забилы, рисунок Е. Бургункера

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ. Записал С. Мирер, рисунки А. Лаптева

ПОЛИТА. ПИСЬМО. Стихи А. Барто, рисунок Р. Барто
ТЕАТР. Рассказ Я. Тайца, рисунки Г. Корвина

ЗИМНИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ В МУРЗИЛКИНОМ ЗООПАРКЕ. Рисунок Л. Смехова

МУРЗИЛКИНА ГАЗЕТА
ОРЛАН. Рассказ Л. Алпатов, рисунок Г. Туганова

ИГРЫ. ШАРАДЫ, ЗАГАДКИ
На обложке: „ВОСХОЖДЕНИЕ НА ПИК ЛЕНИНА“.

Рисунок В. Житенева
На последней странице обложки: „ВОТ ЧТО ВИДЯТ НАШИ РЕБЯТА ВО СНЕ; ВОТ КЕМ ОНИ МЕЧТАЮТ БЫТЬ НАЯВУ“. Рисунок Л. Смехова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. 1-15-42.

ответственный редактор А. Н. Дунина.
печатано в набор 1/XII 1937 г. Подписано к печати 23/XII 1937 г.
полном. Главлита Б-35133. Заказ № 1537.

Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120^{1/16} листа.
Детиздат № 1605. Тираж 250 000.

Фабрика детской книги изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушевский вал, 49.

ОПЕЧАТКИ

По вине редакции в стихотворении А. Барто «Письмо» допущена следующая
печатка:

стр. 12, 7-я строка снизу.

Напечатано

Следует читать

снится мертвый шум прибора

И снится мерный шум прибора

ВОТ ЧТО ВИДЯТ НАШИ РЕБЯТА ВО СНЕ;
ВОТ КЕМ ОНИ МЕЧТАЮТ БЫТЬ НАЯВУ.

Рисунок Л. Смехова